

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

Рисунок
Георгия Ковенчука

1

В двадцати шагах ничего нельзя было рассмотреть, такой стоял туман. Только электрические лампочки да подслеповатые фары тускло светились размытыми желтыми пятнами. Полста градусов ниже нуля! Редкий скрип шагов да пронзительные гудки машин — и холод, холод... И в Усть-Манске, и в его пригородах, и на тысячи километров вокруг.

Я бежал из гостиницы в Дом культуры электромеханического завода, где в двенадцать часов открывалась конференция. Меня никто не обгонял, я бежал стремительно, потому что был в легких ботинках и осеннем пальто, и пар от дыхания мгновенно замерзал на моем лице, а нос совершенно одеревенел и хоте-

лось сунуть его под мышку. И еще мне хотелось, чтобы мороз стал не таким злым и я смог бы посмотреть на свой Усть-Манск, побродить по его новым кварталам, зайти к кому-нибудь из старых друзей в гости, выпить стакан вина и пойти в городской парк, а потом, как когда-то давным-давно, покататься там с горок, потерять шапку и найти ее набитую снегом, и хохотать, и играть в снежки, и дурачиться. Десять лет я не был в Усть-Манске, а до этого прожил здесь двадцать лет.

У меня в запасе оставалось еще полтора часа. Я хотел прибежать первым и согреться, а потом стоять и смотреть, как люди-ледышки вместе с клубами пара вваливаются в фойе, стучат ногами и растирают друг другу щеки.

— Никогда в этом киоске не купишь свежую газету, — раздраженно сказал кто-то, закутанный с ног до головы, и я увидел перед собой газетный киоск из стекла и пластмассы в кружевах искрящегося инея. Он весь светился изнутри и походил на сказку. Вот только как там сидит старушка, продающая газеты? Предположим, что внутри на десять градусов теплее, — все равно минус сорок. Бр-р! Как только она там сидит? Может быть, замерзла уже?

На мой судорожный стук окошечко киоска тотчас же открылось.

— Бабуся! — крикнул я. — Пять сегодняшних газет! Одну местную.

— Я не бабуся. Я Катя-Катюша, — ответил мне девичий голос.

— Катя-Катюша? Отлично, Катя-Катюша! Так как же насчет газет, Катя-Катюша? — Слово «Катюша» губы выговаривали с трудом, но я нарочно несколько раз повторил его.

— У меня не бывает сегодняшних газет.

— А зачем мне вчерашние? Я их уже читал.

— И вчерашних не бывает.

— Для чего же вы тут сидите?

— Я продаю только завтрашние газеты, — ответила девушка, и в окошечке показалась ее голова в теплой вязаной шапочке. — Господи! Да вы ведь щеки отморозили! Оттирать нужно! — И, чуть помедлив: — Заходите ко мне. Здесь тепло.

— А можно?

— Заходите, чего уж...

Я дернул дверцу киоска, но, наверное, слабо, потому что она не открылась, и запрыгал, хлопая себя по щекам, локтям и коленям. Пальцы ног уже ничего не чувствовали.

— Сильнее! — крикнула девушка.

Я дернул изо всех сил, протиснулся вместе с клубами мгновенно образовавшегося пара внутрь киоска — там и на одного-то человека места было мало — и остановился в нерешительности.

— Садитесь. — Девушка указала на кипу газет.

Я сел и сразу же придвинул ноги к двум электрическим батареям, справедливо полагая, что приглашения ждать не надо. Внутри киоска было светло, тепло и сухо. И еще — очень чисто и уютно.

— Щеки почернеют, девушки любить не будут, — сказала она и засмеялась. — Оттирайте.

Я стянул зубами перчатки и попытался распрямить пальцы. Ничего не вышло.

— Плохо ваше дело, — сказала девушка, сняла варежки и теплыми ладонями осторожно прикоснулась к моим щекам. Я не возражал.

Она спросила:

— Вы приезжий или из тех пижонов, которые специально не носят зимнюю одежду, а потом годами лежат в больницах?

— Я приезжий, Катя-Катюша. Я бегу из гостиницы на конференцию... По распространению радиоволн.

— А-а... Я уже читала в газете. — Она еще несколько раз провела своими теплыми ладонями по моим щекам: — Теперь отойдут.

— Спасибо, Катя-Катюша. Давайте знакомиться! — Я протянул ей свою еще не совсем отогревшуюся пятерню: — Дмитрий Егоров.

Она тоже протянула мне свою руку и при этом почему-то так весело рассмеялась, что не выдержал и я. — Так это, значит, вас раскритиковали на конференции? А ведь действительно вы... И лицо похоже.

До меня не сразу дошел смысл сказанных ею слов. — А я еще думала, какую газету оставить. Но только везде одно и то же. Так, значит, вы и есть Дмитрий Егоров, беспочвенный фантазер?

— Катя, я не беспочвенный фантазер. Я, напротив, почвенный. Вы представляете, как проникают радиоволны в почву?

Она отрицательно покачала головой.

— Ну тогда скажу короче. Я ищу полезные ископаемые и воду с помощью проникающих в почву радиоволн. Без буровых вышек и проб грунта. Но никаких фантазий здесь нет.

— Интересно? — спросила она.

— Интересно, — ответил я.

— Расскажите, — попросила она. — Все равно ведь конференция начнется в двенадцать.

Я рассказал ей, как нынешним летом наша экспедиция работала в Васюганских болотах на севере Томской области, как нас ели мошка и комары, как барахлила аппаратура и ребята становились злыми и замкнутыми, а Гошка, наш руководитель, начинал орать песни. Его песнопений никто не мог выдержать. Кто-нибудь, всхлиывая, начинал хохотать. А потом не выдерживали и остальные.

— Спеть еще? — говорил Гошка и добавлял: — То-то же, «манная каша».

Комары все так же ели нас, а аппаратура не работала, но в нас уже появилась злость на самих себя, на свою беспомощность. И мы уже не хотели быть «манной кашей» и не вылезали из тайги, хотя нас отзывали три раза. Только наша аппаратура так и не работала как следует. Это, в общем-то, мало кого удивило. Есть электро-, магнито-, радиационная и гравирозведка. Но мы-то хотели совсем другого. Мы хотели видеть сквозь землю, как через прозрачное стекло. Экспедиция провалилась.

— И все равно интересно, — закончил я. — Лучше, чем брики на стуле протирать.

Мне показалось, что в ее глазах промелькнула мгновенная зависть. Ведь в конечном итоге я что-то делал, к чему-то стремился, падал, и вставал, и шел дальше. А она, наверное, который уж год сидит в этом маленьком киоске, продает газеты и открытки, отсчитывая сдачу, видя только протянутые в окошечко руки, и даже не пытается что-нибудь изменить в своей судьбе. Я расправил плечи и предложил: — Катя-Катюша, поедем с нами в экспедицию?!

— Поварихой? — вполне серьезно спросила она.

— Почему именно поварихой? — смутился я.

— А кем же еще?

— Ну, например...

— Хорошо, я согласна, — сказала она.

— Правда?

— Правда. Все равно вы меня не возьмете, вы шутите. А потом — продавать газеты тоже интересно.

— Куда уж интереснее! — с сарказмом, как мне самому казалось, сказал я. — Так и просидишь здесь всю жизнь.

Она не обиделась, сверкнула на меня своими большими глазами, в которых уже не было зависти, а лишь смех и ирония.

— М-да, — только и сказал я.

Я уже окончательно согрелся, но уходить не хотелось. За все это время никто ни разу не стукнул в окошечко: наверное, в такой мороз никому не хотелось покупать газеты.

Я украдкой рассмотрел Катю. Она была небольшого роста, с черными выбивающимися из-под шапочки волосами. И глаза у нее были черные, а щеки немного припухлые, как будто она их слегка раздувала. На ногах — кожаные сапожки на высоких каблучках, а в углу, за ее спиной, я заметил валенки. Легонькое зимнее пальто с небольшим воротником расстегнуто до половины, а из-под него выбивался голубой пушистый шарф.

— И теперь вы снова ринулись в бой? — смеясь спросила Катя. — Хотите доказать, что вы были правы?

— Хочу, — ответил я.

— Ничего у вас не выйдет. И снова вас назовут беспочвенным фантазером.

— Ах, Катя-Катюша, — сказал я огорченно. — Вы-то зачем так говорите? Ведь вы этого не можете знать наверняка. Еще неизвестно, кто...

Я не договорил, потому что она вдруг сунула мне в руки газету и сказала:

— Читайте.

Я мельком пробежал по первой странице. Ничего особенного. Все как и должно быть. Лесные богатыри, доярки, почины, соревнования.

— На третьей странице, — подсказала Катя.

Я развернул газету и прочел: «В Усть-Манске проходит всесоюзная конференция по распространению радиоволн».

Катя тихонько хихикнула в рукав. Наверное, на моем лице слишком явно было написано удивление.

«24 декабря в 12 часов дня в Доме культуры электро-механического завода открылась всесоюзная...»

— Какое сегодня число? — хрипло спросил я, с ужасом соображая, как я мог потерять целый день.

— Двадцать четвертое, — ответила Катя совершенно серьезно.

— Тогда почему об открытии говорится в прошедшем времени? Ведь она откроется только через час!

— Так ведь это завтрашняя газета.

Я перевернул лист. Газета «Красное знамя». 25 декабря.

— Ничего не понимаю... Какое же сегодня число?

— Двадцать четвертое. Какое же еще!

— Ну вот что, Катя-Катюша. Вы меня простите, у меня что-то с головой — переохладился, наверное.

— Так вы действительно видите, что это завтрашняя газета? Действительно? Вот здорово! А никто не верил.

— Катя, я переохладился...

— Вы не переохладились и голова у вас в порядке. Это завтрашняя газета! Я всегда продаю завтрашние. Только их плохо берут. Все требуют сегодняшние. А сегодняшние ко мне не заовзят.

— Этого не может быть!

— Я тоже вначале не верила. Это вы? — Она указала на фотографию в газете.

Никаких сомнений, это был я. И статья была написана про нашу конференцию. И мой доклад был назван проектерским.

— Странно, — сказал я. — Теперь я знаю, что со мной будет в ближайшие часы. А если я захочу все сделать не так, как здесь написано? Возьму и не пойду на конференцию.

— Ничего не выйдет, — сказала Катя. — У вас нет причин для этого. Ведь это не только ваш доклад?

— Да, действительно. — Я на мгновение представил себе взбешенную физиономию Гошки. — Похоже, что ничего не изменишь. Разве что в мелких деталях, которые все равно в газете отсутствуют. Ловко это у

вас получается, Катя. Продавать завтрашние газеты — это не то что сегодняшние. Это интересно.

— Значит, не возьмете в экспедицию? — спросила она насмешливо.

— Вот что, Катя, — сказал я, не ответив на ее вопрос. — Когда вы закрываете киоск?

— В восемь.

— Я зайду за вами в половине восьмого. Хорошо?

— Хорошо.

— Я побежал, Катя-Катюша. Я хочу сделать все, чтобы меня назвали беспочвенным фантазером. Я хочу этого!

— Счастливо, — кивнула она. — А я хочу вас ждать.

Я, как вкопанный, остановился в дверях, не зная, что и сказать. Опять она смеется надо мной!

— Бегите, бегите! Тепло все выпустите. Я буду ждать!

2

Я выбежал в пятидесятиградусный мороз и, окутанный столбом пара, помчался вверх по проспекту мимо университетского общежития, мимо фигуры Кирова, стоящего с поднятой рукой, мимо корпусов Политехнического.

В просторном, но аляповатом фойе Дома культуры с канделябрами, люстрами и кожаными диванами было уже полно народу. Я сдал свое чисто символическое пальто в гардероб, взбежал на второй этаж и оттуда с балкона уставился вниз, надеясь отыскать в толпе хоть одно знакомое лицо.

Мне повезло, и через пять минут я уже разговаривал со своим однокурсником. И начались вопросы. Где? Когда? Кем? Женат? Дети? Сколько? Диссертация? Морозина? У нас тут нынче все время морозина.

Знакомых я больше никого не встретил, а мой однокурсник вскорости оставил меня. Он был одним из организаторов конференции, и я понимал его. Хлопотливое все-таки хозяйство эти конференции.

Ровно в двенадцать зазвенел звонок. Вступительное слово произнес знаменитый академик. Потом объявили расписание работы секций и подсекций, комитетов и комиссий. Конференция начала свою работу.

Я не взял в Катиню киоске газету. Почему, сам не знаю. Наверное, растерялся, заторопился. И теперь приходилось слушать длинные обзорные доклады. В перерыве все бросились в буфет пить пиво и жевать бутерброды.

А потом началась работа секций, и в нашей секции, к моему удивлению, оказалось человек сорок. А я-то думал, что все радиопизики ринулись в исследование ионосферы, плазмы и прочего, что ближе к космонавтике. Половина докладов была из тех, которые нужны будущим кандидатам, чтобы набрать шесть печатных работ, — ведь любой доклад, даже самый захудалый, засчитывается как печатная работа. И сами докладчики пытались отбарабанить их побыстрее, облегченно вздыхали и скромно садились на место. Вопросов и выступлений по таким докладам не было.

Затем пошли доклады посерьезнее. Некоторые были просто блеск. А уже в шестом часу выступил и я. Я говорил сдержанно и уверенно, и меня слушали не перебивая. Мне даже показалось, что не будет завтрашней статьи о «беспочвенном фантазере».

Вопросы задавали самые простенькие, и я уже надеялся выйти отсюда живым, но это была только легкая разведка. И через полчаса от моего доклада не осталось камня на камне. Причем особенно старались «зубры» из Усть-Манского политехнического института. Как назло в комнату вдруг вошел корреспондент и несколько раз сверкнул фотовспышкой.

А я почему-то не был особенно расстроен. Конечно, от Гошки мне достанется и денег на летнюю экспедицию дадут в три раза меньше, чем необходимо. Но я сделал все, что мог. Я старался изменить корреспонденцию в завтрашней газете, старался изо всех сил. Ничего не вышло. И теперь я знал, что в газете все будет так, как я уже читал. Значит, девушка из стеклянного киоска действительно продает завтрашние газеты!

3

Я зашел за ней без двадцати восемь — раньше не мог освободиться. Двадцати минут до закрытия киоска мне хватило, чтобы немного согреться.

— Ну и как? — спросила Катя, а глаза у нее лукаво смеялись.

— Все правильно, — ответил я. — Доклад прожекторский. И фотография будет. Странно только это все. Откуда же тебе привозят завтрашние газеты?

— Из типографии, — сказала она, и я понял, что мой вопрос прозвучал по-детски.

— И все в Усть-Манске так спокойно относятся к тому, что ты продаешь завтрашние газеты?

Мне показалось, что она погрустнела.

— Так ведь мало кто знает, что это завтрашняя газета. Для всех она сегодняшняя.

— Постой, постой. Значит, для тебя эта газета завтрашняя, а для других обыкновенная сегодняшняя?

— И для тебя она завтрашняя, — сказала Катя.

— И для меня, хорошо. А для других?

— А для других она сегодняшняя.

— И часто встречаются люди, для которых она завтрашняя?

— Не очень.

— Ну а все же?

— Ты первый. — Она улыбнулась и сморщила нос. — Я сразу подумала, что ты увидишь ее.

Пора было закрывать киоск. Катя переобулась в валенки, потушила свет и закрыла киоск. Нам повезло, и через минуту мы остановили такси. Гулять по улице в такой мороз было невозможно, особенно для меня. И мы отправились в гости к моему институтскому товарищу.

Поздно вечером я проводил Катю до общежития и даже зашел в коридор. Мы проговорили еще с час, но я уже не приглашал ее в экспедицию. Я сам с радостью согласился бы продавать завтрашние газеты.

Мне всегда хотелось узнать все до конца, и я спросил Катю:

— Ну а какой же все-таки смысл в этих завтрашних газетах, если этого никто не знает?

— Я-то знаю, — ответила она.

— Но от тебя все равно ничего не зависит?

— Как знать! — ответила она мне загадочно. — Завтрашние газеты приходят разные. Не совсем, конечно, — в мелочах. Погода чуть теплее или холоднее. Чья-нибудь болезнь или выздоровление, чья-нибудь радость или грусть. Газеты приходят немного разные, а я выбираю какую-нибудь одну. И уж это и есть настоящая газета.

Она резко наклонила мою голову, поцеловала в губы и убежала, крикнув:

— Завтра в девять!

А я остался стоять растерянный и счастливый.

4

Утром я встал часов в семь. Сосед по комнате еще спал, и его виртуозный храп разносился, наверное, по всей вселенной. Он не давал мне спать всю ночь,

но и сейчас, в бодрствующем состоянии, выслушивать его рулады у меня не было сил. Я оделся и пошел в буфет. Потом вернулся в комнату, взял портфель, пальто и вышел в фойе. Находиться в комнате я по-прежнему не мог. В фойе я просидел, наверное, с час. Я должен был зайти к Кате в киоск в девять часов, а было еще только восемь.

В полдевятого я не выдержал и очертя голову ринулся в морозное утро. На улице было ничуть не теплее вчерашнего, и, наученный горьким опытом, я теперь передвигался только бегом.

Газетный киоск, как и вчера, блестел, словно усыпанный алмазами. Я постучал в окошечко и вместо приветствия крикнул:

— Катя-Катюша, я замерзаю!

Она ничего мне не ответила, я дернул ручку двери и ввалился внутрь киоска.

Катя сидела, повернувшись ко мне и прижимая к груди кипу пахнущих типографской краской газет.

— Я вовремя? Я не опоздал?

— Не знаю, может быть, — сказала она еле слышно. Это меня несколько удивило и озадачило. Она была чем-то расстроена и словно не хотела со мной разговаривать. Я спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Случилось, — сказала она. — Мне нужно уйти.

Я ничего не понимал.

— Прости меня, Дмитрий. В десять часов загорелся... загорится детдом на улице Вершинина. Я должна предупредить.

Я мельком взглянул на часы. Времени оставалось еще больше часа. А до улицы Вершинина, я знал, было минут десять-двенадцать ходу.

— Здесь есть где-нибудь телефон поблизости? Надо просто позвонить им.

— По телефону могут не поверить. Надо идти.

— Мы успеем, — сказал я. — Давно ты это прочла?

— Только что, когда ты стукнул в окошечко.

— Бежим, — сказал я.

— Не ходи со мной. Я должна одна.

— Ерунда. Подробности известны?

— Известны, — ответила она, но как-то через силу, словно говорила неправду.

— Дети все целы?

— Все... Один чуть не сгорел.

Я выскочил из киоска, за мной вышла Катя, закрыла киоск на замок и сунула ключ мне в карман. Я был немного взвинчен и не так остро чувствовал мороз, как пять минут назад.

Она схватила меня за руку, и мы побежали. Первые метров сто мы молчали, потом она повернула голову и испытующе посмотрела на меня. Я попытался улыбнуться, но губы все-таки успели уже окоченеть.

— Я бы поехала с тобой хоть поварихой, — сказала она.

— Так поедем! Решайся! — Слова мои были бодрые, но вслух получилось что-то отнюдь не героическое.

— Хорошо бы, — ответила она.

— Поедем. — Я остановил ее на мгновение. — Незачем дожидаться лета. Поедем через три дня, когда кончится конференция.

Мы бежали по проспекту Кирова. Возле кинотеатра «Октябрь» срезали угол и очутились на улице Вершинина, прямо напротив детского дома. Здание было новое, двухэтажное, кирпичное, в окнах горел свет, и ничто не предвещало, что менее чем через час оно загорится. Мне даже вдруг показалось, что Катя подшутила надо мной, что она зачем-то проверяла меня. Но она так решительно дернула калитку в невысоком заборчике, что у меня пропали всякие сомнения. Калитка тотчас же со скрипом отворилась, но у парадного нам не повезло: или звонок не работал, или

его никто не слышал. И только когда мы догадались обежать дом, то сообразили, что парадное завалено всяким хламом и входить нужно с черного хода.

Дверь была открыта, а свет — конечно, в целях экономии, — выключен. Натыкаясь друг на друга, мы добрались до коридора. В нем было светло. Напротив можно было угадать парадную дверь, еле проглядывавшую сквозь груды самых разнообразных предметов. Слева располагалась кухня. Рядом же была комната, что-то вроде столовой, и там уже сидели ребята. Две воспитательницы с подносами ходили вокруг столов. Направо была спальная комната.

Катя сразу же направилась к столовой. Воспитательницы взглянули на нее удивленно, и одна из них, поставив поднос на тумбочку, подошла к дверям.

— Не спрашивайте, откуда я это узнала, — начала Катя. — Я не смогу этого объяснить толково... Около десяти часов в этом здании возникнет пожар.

— Ой! — схватилась за сердце женщина.

— Надо одеть детей.

— Ой! — повторила женщина. — Мария Павловна!

Дети с интересом поглядывали на эту сценку и уже начинали шуметь и шалить.

— Мария Павловна, пожар у нас! — запричитала женщина.

— Что случилось? — строго спросила Мария Павловна. — Вы кто такие?

— Я продаю газеты, он инженер. В десять часов у вас будет пожар. Детей надо выводить.

— В такой-то мороз выводить? — снова строго сказала Мария Павловна.

— Так ведь пожар! — прошептала первая воспитательница.

— Действовать надо, — решил вступить в разговор и я. — У вас тут есть телефон?

— Он позвонит в пожарную, а вы одевайте детей. — Катя говорила спокойно и негромко. Она старалась говорить убедительно, чтобы ей поверили.

Первая воспитательница, испуганно ойкая, убежала на второй этаж. Из кухни вышла повариха и присоединилась к нам. С улицы явился дворник с деревянной лопатой, закутанный шарфом почти до самого лба.

Я набрал номер и сказал, когда на другом конце провода подняли трубку:

— Нужно пожарную машину к детдому на улице Вершинина.

— Давно горит? — деловито осведомились у меня, а какому-то невидимому для меня собеседнику крикнули: — Седьмую заводи! Что горит-то? — это уже относилось ко мне.

— Пока ничего, но в десять часов загорится.

— Снова шутники, — недовольно сказал голос, и трубку повесили.

Я набрал номер второй раз, но разговор мой кончился так же безуспешно. Мне не верили.

Со второго этажа спустились три женщины. Одна из них была заведующей детским домом.

— Противопожарная безопасность у нас в порядке, — сказала она нам. — Вы с проверкой?

Кате снова пришлось объяснять, но заведующая все же подтащила нас к стене и заставила прочесть «Порядок эвакуации детей в случае пожара». «Порядок» оказался просто чудесным, и было очень жаль, что он неосуществим в данном здании ни при каких обстоятельствах.

— У вас хоть огнетушители есть? — спросил я, поглядывая на часы. Было уже около десяти.

— Есть, — сказала заведующая. — Были то есть. Они вот тут висели. — И она указала на три более темных

пятна на стене. — Один сорвался и чуть не убил Танечку Солнцева. Пришлось в сарай вынести.

Время шло. Нужно было что-то предпринимать.

— Почему огнетушителей нет на месте?! — рявкнул я.

Заведующая сразу струсила: кто их знает, может, действительно комиссия с проверкой.

— Аникеич! — крикнула она. — Живо тащи огнетушители!

Дворник ринулся на улицу, но тотчас же вернулся, потому что у него не оказалось ключей. Женщины начали нервно разбираться, у кого могут быть ключи. Аникеич нашел их у себя и снова ринулся на улицу. — Одевайте детей! — приказала Катя. Ее и послушали, и нет. Детей подняли из-за стола и повели по коридору, но все это делалось как-то неуверенно, словно все ждали, что ложную тревогу вот-вот отменят.

Детей было человек пятьдесят. И, как я понял позже, на втором этаже было еще сто двадцать. Я начал растаскивать свалку у парадного входа. Санки кидал прямо в спальню, бочонки с остатками прокисшей капусты закатывал на кухню. Кто-то пытался мне помогать, но я крикнул, чтобы быстрее одевали детей и сразу же выводили на улицу.

Катя снова позвонила в пожарную команду, и ей, кажется, поверили. Я разгреб половину свалки, и теперь мне нужно было только добраться до двери, чтобы все остальное выкинуть прямо на улицу. Пошли какие-то грабли, лопаты, старые половики и ведра с пробитыми днищами.

Детей все-таки начали одевать. Повариха загасила плитку водой. Начали выключать электрокамины, но они были включены в самых неподходящих местах, так что до розеток кое-где нельзя было сразу и дотянуться. Одна из воспитательниц побежала в кинотеатр договариваться, чтобы там приняли детей в фойе. Заведующая все еще не верила нам. Что она с нами сделала бы, окажись эти, хоть и суматошные, приготовления напрасными!

Распахнулась дверь черного хода, и в коридор ввалился дворник с двумя огнетушителями в руках, вступив в помещение клубы белого пара. Он несколько раз чихнул, пытаясь что-то сказать. Наконец это у него получилось.

— Горим! — крикнул он и ударил огнетушителем об пол. Но толку от этих мерзлых огнетушителей было мало.

А пар, ворвавшийся вместе с дворником в коридор, не рассеивался. Это был не пар, это был дым. У меня ело в глазах. Дворник бросился помогать мне. И когда парадная дверь была освобождена, деревянная перегородка уже горела.

Через двадцать минут приехала пожарная машина. Детей к этому времени уже перевели в кинотеатр. Пожарное начальство осталось разбираться в причинах пожара. Воспитательницы еще не совсем пришли в себя от пережитого. А я летел в машине «скорой помощи», держа в своей руке холодную и мокрую Катину ладонь. Катя пыталась удержать падающую деревянную перегородку между двумя комнатами, чтобы успели увести последних детей. Их увели через запасной выход, по металлической лестнице со второго этажа во двор. Их всех увели, а она не успела отскочить, и горящая деревянная перегородка прижала ее к полу. За минуту до этого Катя сунула мне в руки полуодетую девочку и крикнула, чтобы я пошел с улицы к окну — возможно, через него придется подавать детей.

На мне даже мелких ожогов не было. А на ее лицо мне не разрешили взглянуть — оно было закрыто чем-то белым.

Я сидел в холле клиники растерянный и разбитый. Они сказали — сделают все, что в их силах. Я представлял, в каких случаях говорят такое.

Мне раза три предлагали уйти, потому что я ничем не мог помочь и только раздражал врачей своими вопросами. Когда меня выгоняли в четвертый раз, а я все приводил доводы, чтобы остаться, один из молодых врачей вдруг сказал:

— Пусть попытается, если он хочет помочь. Завтра об этом объявят в газетах, сегодня вечером передадут по радио, но, может быть, будет уже поздно. Вы где живете?

Я покачал головой:

— Я приезжий.

— Жаль. Значит, у вас здесь нет знакомых?..

— Есть, но очень мало.

— Надо сделать пересадку кожи. Нужны добровольцы. Человек пятьдесят. Может быть, больше.

— Я найду! — закричал я и выбежал на улицу.

Конференция уже начала свою работу.

У меня хватило соображения не поднимать паники и разыскать своего институтского товарища. Он выслушал меня молча и только сказал: «Подумать только, вчера она была такая веселая! — И добавил: — Хорошо, что сказал мне. Все будет сделано».

Я вошел вместе с ним в помещение, где работали радиофизики-почвенники, и сел на первый же попавшийся стул. Мой товарищ о чем-то пошептался с председателем секции, и тот объявил:

— Товарищи! В городе произошел несчастный случай. Требуется кожа для пересадки. Я думаю, мы сделаем перерыв и все вместе пойдем в клинику. Это недалеко, всего два квартала... Девушка может умереть. Скоро в клинику отдельными группами пришли все участники конференции.

Около часу дня меня все-таки впустили в палату, где находилась Катя. Белая подушка, белая простыня поверх тела и моток бинтов вместо лица. Только черные кружочки глаз с обожженными ресницами да чуть обозначенные губы. Я присел на табурет рядом с кроватью. Катя смотрела на меня неподвижно, не мигая. А я не знал, что сказать ей сейчас, — все слова застряли у меня в горле. Я бы только поглядел ее по щеке, но этого нельзя было делать. Я просто кивнул ей и попытался бодро улынуться. Не знаю, что она прочла в моей улыбке, но губы ее слегка шевельнулись, и по их движению я понял, что она сказала:

— Щеки почернеют, любить не будешь...

— Буду, буду, — сказал я. — Катя, я увезу тебя из Усть-Манска. А летом мы поедем в Васюганские болота кормить комаров.

Меня вывели из палаты. Кате снова стало хуже.

— Вы здесь ничем не можете помочь, — сказали мне. — Идите в гостиницу. Зайдите к Кате на работу, сообщите, что случилось. Ну, в общем, делайте что-нибудь, действуйте. Завтра утром можете приходить.

Я был в состоянии какого-то душевного оцепенения, в голове — ни одной мысли. Даже мороз не действовал на меня. Так я дошел до Катиного газетного киоска и вспомнил, что ключ от него лежит у меня в кармане. Я открыл замок, вошел и включил свет. Газета лежала четвертой страницей вверх. Я сразу отыскал небольшую заметку в отделе происшествий. В ней говорилось, что вчера в десять часов утра из-

за плохой электропроводки возник пожар в детдоме по улице Вершинина. При спасении детей трагически погибла Екатерина Смирнова.

Катя Смирнова. Я даже не знал, что ее фамилия Смирнова. Просто Катя-Катюша.

В газете была написана неправда. Ведь она не погибла при спасении детей. Она жива!

Я случайно взглянул на скомканный газетный лист, лежавший рядом, и вспомнил, что когда утром я зашел к Кате в киоск, она смяла газету, потом взглянула на ту, что сейчас лежала передо мной, и только после этого сказала, что будет пожар.

Она знала, что это с ней произойдет, и все же пошла. Я развернул смятую газету. Она тоже была завтрашняя. И заметка о пожаре была. Только в ней говорилось, что погиб Дмитрий Егоров.

В висках глухо застучало. Теперь я понял, что она имела в виду, когда говорила, что по утрам выбирает газету. У нее всегда бывает несколько разных экземпляров. И вот сегодня она выбрала свою смерть, только потому, что еще был я. Это я должен был держать падающую горящую стенку, а она отправила меня на улицу с поручением, которое мог выполнить любой другой. Я, я должен был лежать придавленный горящими досками!

Я взял из пачки еще одну газету... Погиб Дмитрий Егоров... Третью... То же самое. Я настойчиво искал нужную мне газету. Должен быть третий вариант. Должен! Кате просто не хватило времени, чтобы найти его. Она так спешила! Она обрадовалась, что нашла второй, что я останусь жив...

Сегодня я выберу завтрашнюю газету.

И я нашел этот экземпляр. Он был правильный. Ведь сотни людей сделали все, чтобы она жила.

И я решил, что выберу и буду продавать эту газету, чтобы все знали, что Катя жива, что она получила страшные ожоги, но будет жить, обязательно будет жить. Я внушу это всем людям, которые заглянут в киоск.

Но было слишком холодно, и никому не хотелось задерживаться у киоска. Тогда я вышел на тротуар с пачкой завтрашних газет и начал раздавать их прохожим:

— Прочитайте, пожалуйста, про Катю Смирнову! Она будет жить! Прочтите! Катя будет жить! Захотите этого!

Сначала я думал, что на меня будут смотреть как на сумасшедшего. Но ничего подобного не произошло. Прохожие брали газеты, останавливались, распрашивали меня, сочувствовали. Мне верили, и теперь я знал — Катя будет жить, потому что все этого хотят.

Я зашел на почтамт и отдал ключи от газетного киоска. Потом я забежал на конференцию, и «зубры» из Усть-Манского политехнического института сказали, что я буду временно работать в их лаборатории, что в моем фантазерстве что-то есть, что они уже дали телеграмму в мой институт о продлении моей командировки. Они понимали, что мне сейчас нельзя уезжать из этого города.

Я буду находиться здесь, в Усть-Манске, пока не докажу им, что можно видеть сквозь землю, пока Катя не выздоровеет, пока не начнется подготовка к экспедиции, пока мы вместе с ней не улетим на Север.

Я бежал в клинику, потому что Катя ждала меня. В двадцати шагах ничего нельзя было рассмотреть — такой стоял туман. Полста градусов ниже нуля! Редкий скрип шагов да пронзительные гудки машин — и холод, холод... И в Усть-Манске, и в его пригородах, и на тысячи километров вокруг...

Я бежал к Кате, потому что она меня ждала.